

Стелла
СКАЙ

ПОСЛЕ

РАЗВОДА

ТЫ ОСТАЛСЯ БЕЗ СВОЕЙ
ПРИСЛУГИ

Стелла Скай

**После развода. Ты остался
без своей прислуги**

«Автор»

2026

Скай С.

После развода. Ты остался без своей прислуги / С. Скай —
«Автор», 2026

Мини-роман!— Да были у меня бабы, — донёсся до меня голос мужа. — Разные. Но мужику это простительно. А баба должна понимать: вышла замуж — всё, должна сидеть дома, мужа обслуживать и верность ему хранить. Я уже какое-то время стояла в комнате и слушала разговор мужа с братом на лоджии. Они не знали, что я рядом. Разговор начался с моей командировки. Точнее, с того, как муж собирался сорвать поездку.— В руководство она, видите ли, собралась. Ничего, отговорю. На крайний случай можно ещё одного ребёнка ей заделать. Она же хотела когда-то. Со вторым прицепом точно никуда не полезет. После этих слов мне казалось, что хуже быть уже не может. А потом он спокойно рассказал о своих изменах. Вот тогда во мне что-то окончательно оборвалось. Муж хотел лишить меня повышения и снова привязать к дому ребёнком, лишь бы я продолжала готовить, убирать и обслуживать его. Он уверен: жена должна знать своё место и никуда не денется. Кажется, пришло время показать ему, как сильно он ошибся.

© Скай С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Катя	5
Глава 2. Катя	7
Глава 3. Павел	9
Глава 4. Катя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Стелла Скай

После развода. Ты остался без своей прислуги

Глава 1. Катя

— То есть ты уже всё решила, а меня просто поставила перед фактом, что уезжаешь на месяц?

Мой муж стоит у кухонного стола в домашней футболке, с телефоном в руке и таким выражением лица, будто я только что призналась, что продала квартиру вместе с ним.

Я убавляю газ под кастрюлей с супом.

— Я говорю заранее. До поездки почти три недели. Если меня утвердят, я собираюсь поехать.

— О, спасибо, — он коротко усмехается и бросает телефон на стол. — Целых три недели мне дали привыкнуть к мысли, что моя жена решила месяц шататься непонятно где.

— Повышение квалификации — это не «шататься». Ты тоже ездил. И не раз.

Павел смотрит на меня так, будто я сказала что-то одновременно смешное и глупое.

— Катя, не путай. Я мужчина. У меня работа, ответственность, должность. Мне надо строить карьеру.

Я слишком резко ставлю кружку на стол. Чай выплёскивается через край и течёт по белой столешнице. Раньше я бы сразу схватила тряпку, извинилась за пятно, перевела разговор на ужин. Сейчас смотрю на тонкую коричневую дорожку и не двигаюсь.

— У меня тоже работа, ответственность и должность. Если я пройду программу, меня могут поставить руководителем направления.

— Руководителем, — повторяет он почти ласково. — Красиво звучит. Только нормальные жёны так не поступают. Нормальные жёны думают о семье.

— А я о чём думаю?

— О себе.

Он цепляется за эту мысль быстро, с явным облегчением, словно наконец нашёл удобное обвинение.

Я всё-таки вытираю чай, потом долго держу тряпку под краном. Вода бьёт по раковине, и этот шум немного спасает — хотя бы несколько секунд я не слышу то, что творится в голове.

Нашему сыну Грише восемнадцать. Он учится на первом курсе в другом городе, живёт в общежитии и звонит чаще мне, чем отцу. Каждый разговор начинает с вопроса: «Мам, ты ела?» В детстве я так спрашивала его после школы, а теперь он будто возвращает мне эту заботу.

Когда Гриша поступил и уехал учиться, я надеялась, что у нас с Павлом наконец появится больше времени друг для друга. Больше не нужно было подстраиваться под школьное расписание, возить сына к репетиторам, следить за родительскими чатами и собирать бесконечные справки. Я думала, мы станем чаще куда-нибудь выходить вдвоём, больше разговаривать, вспомним, как это — быть не только родителями, но и мужем с женой.

Получилось иначе. Павел не стал проводить со мной больше времени. Просто, когда забот о Грише стало меньше, я начала отчётливее замечать, что муж давно воспринимает меня как часть удобного быта. Как человека, который приготовит, уберёт, выслушает и подстроится. Только любимой женщиной рядом с ним я себя совсем не чувствовала.

— Ты прекрасно знаешь, что всё держится на мне, — продолжает он. — Я прихожу, у меня дома должен быть порядок. Нормальная еда. Чистота. Жена рядом. А ты решила на целый месяц уехать и оставить меня одного.

— Ты приходишь домой после работы. Я тоже. Только почему-то отдыхать после полного рабочего дня имеешь право лишь ты.

— Не начинай, — он морщится. — В последнее время ты разговариваешь так, будто я тебе мешаю жить.

Я хочу сказать: «Мешаешь». Слово уже почти вырывается, но я проглатываю его.

Павел умел кричать так, что на следующий день соседи отводили глаза или здоровались со мной подчеркнуто вежливо. Самих ссор я давно не боялась. Меня останавливало другое: стоило однажды вслух признать, что я больше не хочу так жить, и вернуться к привычной семейной жизни уже не получилось бы.

Пока Гриша учился в школе, я убеждала себя, что сейчас не время что-то менять. Сначала ему нужно было закончить школу, потом сдать экзамены, поступить. Теперь сын уехал, и больше не осталось причин делать вид, что я должна терпеть такое отношение ради него.

Осталась только привычка — жить с Павлом.

— Я поеду, если руководство окончательно утвердит мою кандидатуру.

Павел тихо смеётся.

— Ты сейчас серьёзно? Если уедешь, можешь обратно не возвращаться.

Я поднимаю на него глаза.

— Это угроза?

— Предупреждение. Я не собираюсь жить с женщиной, которая забыла, что у неё есть семья. И хорошо подумай, кому ты будешь нужна в сорок. Да ещё с прицепом.

Сначала я не понимаю, что он сказал про нашего сына.

— Ты Гришу назвал прицепом?

— Не передёргивай, — Павел отмахивается. — Я образно. Хотя будем честны: характер у тебя не подарок. Я тебя терплю, потому что мы семья. Другой мужик посмотрит на взрослого сына, твои амбиции и скажет: спасибо, не надо.

Он говорит о Грише так, будто сын для него был лишней тяжестью. И я вдруг вспоминаю, как много лет назад хотела второго ребёнка.

Грише тогда было шесть. Я долго подбирала момент, представляла, как начну разговор. Павел выслушал меня, не выключая телевизор, и спросил, не сошла ли я с ума.

— Нам одного мало? Я только начал нормально спать, а ты опять в пелёнки хочешь? Нет, Катя. Даже не начинай.

Я плакала в ванной, включив воду. Потом погрузилась в работу, взяла дополнительные проекты, прошла курсы за свой счёт и постепенно выросла до ведущего менеджера. При этом дом и ребёнок по-прежнему оставались на мне. Павел воспринимал всё, что я делала, как должное: в квартире было чисто, ужин каждый вечер стоял на столе, а рубашки висели в шкафу выглаженными.

Стоило мне впервые захотеть чего-то для себя, как он решил, что семья мне больше не нужна.

— Суп будешь? — спрашиваю я.

Павел смотрит на меня с недоверием. Видимо, ожидал слёз или обещания отказаться от поездки.

— Буду. И надеюсь, к субботе ты выбросишь из головы эту глупость. У мамы день рождения. Не вздумай там устраивать представление.

Я выключаю плиту и снимаю крышку с кастрюли.

— Представление уже началось, Паша. Просто раньше я сидела в первом ряду и делала вид, что мне нравится.

Глава 2. Катя

На работе пахнет кофе из автомата и новой мебелью. Наш отдел недавно пересадили на другой этаж, папки ещё стоят в коробках, а мой коллега Вадим уже успел выбрать себе место у окна.

Я открываю презентацию перед утренним совещанием и вижу на первом слайде его фамилию.

«Проект оптимизации проблемных поставок. Руководитель проекта — Вадим Орлов».

Вчера вечером там стояло моё имя.

— Вадим, подойди пожалуйста.

Он появляется через минуту, на ходу поправляя манжету рубашки. Вадим вообще всегда выглядит так, будто с минуты на минуту ему предстоит давать интервью деловому журналу.

— Что случилось?

Я разворачиваю к нему экран.

— Это случилось.

Он мельком смотрит на слайд и пожимает плечами.

— Я сегодня представляю проект директору. Логично, что стоит моя фамилия.

— Ты представляешь его потому, что начальник так попросил. Проект веду я.

— Катя, — Вадим садится на край стола и понижает голос, будто объясняет очевидное ребёнку, — наверху не любят, когда за один результат отвечают десять человек. Им нужна одна фамилия. Один человек, с которого можно спросить.

— Я и отвечаю.

— Ты делаешь расчёты. Это важно. Но выступление, согласование, защита бюджета — другая работа.

— Бюджет согласовывала я. С транспортным отделом спорила я. Клиента удерживала тоже я.

— Поэтому я и говорю, что без тебя было бы сложно, — он улыбается. — Мы команда.

Я возвращаю на слайд свою фамилию и сохраняю файл.

— Тогда команда переживёт правду.

На совещании Вадим говорит уверенно. Он отлично умеет смотреть в глаза директору, вовремя улыбаться и произносить «мы», когда речь идёт о чужой работе. Когда директор спрашивает, почему в третьем квартале выросли штрафы, Вадим чуть поворачивается ко мне.

— Екатерина глубже занималась этой частью.

Я объясняю причины, показываю таблицу и предлагаю решение. Директор слушает, потом снимает очки.

— Вот это уже предметный разговор. Вадим, в следующий раз включайте Екатерину в презентацию с самого начала.

— Конечно, Сергей Борисович. Мы именно так и планировали.

После совещания нас обоих вызывают к региональному директору.

— Как вы знаете, через три недели в Петербурге начинается программа кадрового резерва. До сегодняшнего дня было неизвестно, кто поедет от нашего филиала, — он кладёт перед нами два письма. — Центральный офис выделил два места. Поедете оба.

Вадим берёт письмо первым.

— Я готов.

— Четыре недели. Внутреннее обучение, практические модули, защита проектов. По итогам комиссия даст рекомендации. — Продолжает директор.

Я читаю название программы: «Школа руководителей. Региональный резерв».

— А новое направление, кто будет им заниматься? — уточняю я.

Директор переплетает пальцы.

— Руководителя развития региональной логистики назначим после вашего возвращения. У обоих есть сильные стороны.

У Вадима — умение говорить так, чтобы чужая работа становилась его сильной стороной. У меня — привычка эту работу делать.

В коридоре он догоняет меня у лифта.

— Не переживай, — Вадим нажимает кнопку и смотрит на своё отражение в металлической двери. — Даже если должность получу я, тебе тоже найдётся хорошее место. Мне понадобится толковый заместитель.

— Как предусмотрительно.

— Я серьёзно. Не всем обязательно становиться начальниками. Кто-то должен работать. Двери лифта открываются. Я захожу первой.

— Тогда тебе лучше начать готовиться, Вадим. Вдруг должность не получишь.

Он улыбается, но глаза остаются холодными.

В обед я звоню Павлу. Хочу сообщить, что поездку утвердили окончательно. Он не отвечает. Через десять минут присылает сообщение:

«На совещании. Подготовь мне на завтра голубую рубашку. Ту, которую я надеваю с серым костюмом».

Я смотрю на экран, потом открываю заметки и записываю список документов для командировки.

Глава 3. Павел

Утром я открываю шкаф и сразу понимаю, что Катя рубашку даже не трогала. Голубая рубашка висит в шкафу на своём месте, чистая, но рукава и спина мятые.

Я и без того опаздываю.

— Катя!

Она выходит в брюках и белой блузке. Уже собралась, волосы убраны, в руке сумка.

— Что?

— Я просил подготовить рубашку.

— Она в шкафу.

— Я вижу, что она в шкафу. Почему она не поглажена?

— Потому что я её не гладила.

Она говорит это спокойно, словно речь идёт о совершенно нормальной вещи.

— Так погладь.

— Погладь сам.

Я несколько секунд смотрю на неё, ожидая, что она всё-таки усмехнётся и достанет гладильную доску. Катя проходит мимо меня в прихожую.

— Мне через двадцать минут выходить.

— Значит, стоило встать раньше.

— А тебе сложно было потратить пять минут?

— Мне тоже уже выходить пора.

Она надевает туфли, берёт ключи и уходит.

Я остаюсь перед открытым шкафом. Раньше Катя могла забыть, но обязательно извинилась бы. Быстро поставила утюг, погладила рубашку, ещё и спросила, какой галстук достать. Сейчас будто специально проверяет, сколько я позволю ей выделяться.

В итоге надеваю белую. Она немного не подходит, но опаздывать из-за Катиного характера я не собираюсь.

Всё началось после отъезда Гришки. Пока сын был маленьким, Катя была занята делом. Школа, репетиторы, еда, стирка, собрания. Ей некогда было придумывать себе занятия.

Потом Гришка уехал, и Катя решила, что теперь свободна.

Стала задерживаться на работе, читать что-то по вечерам. Раньше спрашивала, как у меня дела, что приготовить на ужин, что нужно на завтра. Теперь приходит и рассказывает про проекты, совещания и какого-то Вадима, будто мне действительно интересно, что у неё там происходит.

Я не против женской работы. Наоборот, всегда считал, что женщине полезно чем-то заниматься и приносить деньги в семью. Но работа у бабы должна быть на втором месте. После мужа.

Если мужчина задержался, значит, решал важные вопросы. Если пришёл домой и лёг перед телевизором, значит, устал и имеет право отдохнуть. У него ответственность, люди, решения, от которых многое зависит.

У женщины всё проще. Ну какая у неё может быть настоящая ответственность? Кто в здравом уме доверит бабе серьёзную должность? Посидела на совещании, переложила бумаги, поговорила с коллегами — и уже устала.

Она может работать, строить карьеру, изображать занятость, но это не освобождает её от домашних дел. Ужин сам себя не приготовит, рубашки не погладятся, продукты в холодильнике не появятся. Мужчина не обязан после работы думать ещё и об этом.

Катя раньше понимала, что я устаю сильнее и на мне держится гораздо больше. А теперь вдруг решила, что её работа ничем не хуже моей и домашние обязанности мы должны делить поровну.

В офисе моя новая помощница Светочка приносит кофе и кладёт передо мной расписание встреч. На ней светлая блузка, расстёгнутая чуть ниже, чем принято в офисе, и узкая юбка.

— Павел Олегович, я перенесла вашу встречу на четверг.

— Почему?

Она моргает длинными ресницами.

— У вас сегодня совещание в четыре.

— Встреча сегодня в два.

— А я думала, тоже в четыре.

Свете двадцать шесть. Когда прежняя помощница ушла в декрет, кадровики показали мне пять кандидатов.

Первая лет десять работала помощником директора и знала документооборот лучше нашего секретариата. Вторая свободно говорила по-английски. Третья пришла с рекомендациями от крупной компании. Все сидели прямо, уверенно перечисляли навыки и смотрели на меня так, будто это они выбирали меня.

Я ещё тогда подумал, что сейчас руководители слишком увлеклись профессионализмом. Наберут умных баб за сорок, а потом удивляются, почему помощница спорит, исправляет начальника и ходит по офису с таким лицом, будто сама могла бы занять его кресло.

Мне рядом такая не нужна.

Светлана вошла последней. В облегающем тёмном платье, на высоких каблуках. Села напротив, сложила руки на коленях и почти сразу призналась, что опыта у неё мало. Зато слушала меня, не перебивая. Несколько раз назвала мою должность очень ответственной, восхищалась количеством сотрудников в отделе и спросила, как мне удастся всё контролировать.

Я выбрал её ещё до конца собеседования.

Помощница должна украшать приёмную, встречать клиентов с улыбкой и смотреть на руководителя с уважением. Календарь можно проверить. Письмо можно переписать. А вот сделать из уставшей тётки приятную молодую женщину уже не получится.

Пусть другие нанимают по знаниям и потом терпят рядом вторую начальницу. Мне нужна помощница, которая понимает, кто здесь главный.

— Позвони и верни встречу, — я откидываюсь в кресле. — И проверь весь календарь на неделю. Мне не нужны такие сюрпризы.

— Конечно, Павел Олегович. Простите. Я просто ещё не привыкла к вашему темпу.

Она улыбается, слегка наклоняясь ко мне, и раздражение проходит.

Света хотя бы умеет признавать ошибки. Не строит из себя незаменимую и не объясняет мне, что я мог бы сам всё проверить.

Катя этого не понимает. Недавно спросила, зачем держать помощницу, если та постоянно путает встречи, забывает отправлять письма и теряет документы.

— Не все рождаются такими незаменимыми, как ты, — бросил я.

— Дело не в незаменимости. Она просто не справляется.

— Зато с ней приятно работать.

Катя посмотрела на меня так, будто услышала что-то особенное.

— Главное, значит, чтобы приятно было смотреть?

— Для женщины это тоже немаловажно.

После этого она долго молчала. В последнее время вообще молчит.

Я звоню матери.

— Мам, Катя в субботу будет. Только ты с ней поговори насчёт этой поездки.

— А ты сам не можешь?

— Могу. Она упёрлась. На работе ей внушили, что она теперь большой специалист и должна ехать в Петербург.

— Я всегда говорила: женщине нельзя слишком увлекаться работой. Сначала ей интересно, потом она начинает считать, что семья мешает.

— Объясни ей. Тебя она хотя бы постесняется перебивать.

— Конечно, объясню.

Я заканчиваю разговор и смотрю на фотографию на столе. Мы с Катей и Гришкой на море. Сыну лет двенадцать. Катя в светлом платье держит меня под руку и улыбается.

Тогда всё было нормально. Я зарабатывал, она следила за домом и сыном. Работала, конечно, но не делала из этого главное событие своей жизни. Не требовала благодарности за каждый ужин и не предлагала мне самому гладить рубашки.

Теперь, когда Гришка уехал, она решила, что можно и на мужа махнуть рукой.

Но никуда она не денется. Девятнадцать лет брака не перечёркивают из-за пары резких слов. Да и Катя должна понимать: кому она нужна в сорок лет, со взрослым сыном и вечными претензиями?

Надо просто переждать.

Не извиняться, не уговаривать и не показывать, что её недовольство меня хоть сколько-нибудь волнует. Пошумит, может, пару дней не станет готовить. Потом поймёт, что этим ничего не добьётся, и успокоится.

Главное — не позволить ей решить, будто теперь она сама будет определять, как нам жить.

Глава 4. Катя

В субботу Павел дважды спрашивает, во сколько мы выезжаем, хотя знает время. Он ходит по квартире молча, хлопает дверцами шкафов и демонстративно ест бутерброды вместо обеда, который я приготовила.

К свекрови мы приезжаем с тортом и букетом. В квартире пахнет резкими духами её подруги и запечённой курицей с чесноком.

— Катюша, помоги мне, — Марина Викторовна вручает мне полотенце ещё в прихожей. — Мужчины сейчас сядут, а у нас горячее не готово.

Я снимаю пальто и иду на кухню. Павел уже в комнате, про что-то рассказывает брату.

Мне поручают нарезать салат и расставить тарелки. Марина Викторовна ласково хлопает меня по плечу.

— Павлу повезло. Сейчас таких хозяйственных женщин мало.

Я привычно улыбаюсь.

За столом Павел становится другим. Шутит, подливает матери компот, интересуется здоровьем тёти. На меня почти не смотрит.

— Катя, а правда ты на месяц в Петербург собираешься? — свекровь откладывает вилку.

— Правда. Это внутренняя программа компании.

— Да что ты, мам, — Павел мягко усмехается. — Она просто устала, напридумывала себе. Мы разберёмся.

Все смотрят на меня.

— Я ничего не придумывала. Руководство уже утвердило поездку.

— Месяц — это много, — Марина Викторовна качает головой. — Муж один, кто дом в порядке поддерживать будет? Нельзя так долго отсутствовать.

— Гриша учится в другом городе. Паша взрослый человек.

— Вот именно, — вмешивается тётя Лариса. — Сын уехал, теперь надо мужа беречь. А то женщины думают: ребёнка вырастила — и всё, свободна.

Павел накрывает мою ладонь своей. Со стороны жест выглядит нежным. Пальцы он сжимает так, что кольцо впивается в кожу.

— Не переживай, — он улыбается ей. — Я с женой поговорю.

После горячего мужчины уходят на застеклённую лоджию. Свекровь хранит там банки с заготовками, коробки с посудой и всякие вещи, которые жалко выбросить. А мы начинаем убирать со стола и относим посуду на кухню.

Я иду стереть со стола и слышу как из-за неплотно закрытой двери доносится голос Павла.

— Представляешь, моя дура решила карьеру строить.

Я замираю с тряпкой в руке.

— Ну месяц, конечно, многовато, — тянет его брат Саша. — Но если у неё шанс...

— Какой нафиг шанс? Задурили ей голову на работе. В руководство она, видите ли, собралась. Ничего, отговорю. На крайний случай можно ещё одного ребёнка ей заделать. Она же хотела когда-то. Со вторым прицепом точно никуда не полезет.

Я сама не замечаю, как всё сильнее сжимаю тряпку.

— Паш, это перебор, нельзя так.

— Да ладно. Я же образно. Пока Гришка мелкий был, она никуда не рыпалась. Дом, школа, кружки, кастрюли — некогда было о глупостях думать. Нормальная жена была. А теперь сын уехал, и ей, видите ли, самостоятельности захотелось.

На кухне звякает ложка. Свекровь кому-то рассказывает, где покупала новые шторы. Всё вокруг остаётся обычным, и от этого ещё хуже.

— И вообще, знаю я эти повышения квалификации, — продолжает Павел. — Все там как с цепи срываються. О верности можно забыть.

— Ты же сам ездил.

Павел усмехается.

— Я и говорю. Три раза ездил, три раза нормально отдохнул. Что смотришь? Да были у меня бабы. Разные. Но мужику это простительно. А баба должна понимать: вышла замуж — всё, должна сидеть дома, мужа обслуживать и верность ему хранить.

Я открываю дверь.

Они одновременно поворачиваются ко мне. Саша первым отводит глаза. Павел даже не смущается. Только раздражается, будто я испортила ему удачную шутку.

— Ты что, подслушиваешь?

— Я шла вытереть со стола.

— Вот и иди вытирай. И не устраивай здесь сцен.

Я смотрю на мужчину, с которым прожила почти девятнадцать лет. Мы выбирали коляску, платили за квартиру, спорили из-за ремонта, встречали Гришу после выпускного. Сейчас я не понимаю, как могла не видеть его.

— Три раза?

Павел закатывает глаза.

— Дома поговорим.

— Нет. Сейчас.

— Не начинай при людях, — он подходит ближе и понижает голос. — Ты выглядишь глупо.

— Я?

— Да. Нормальные жёны не подслушивают чужие разговоры. Саша, выйди.

Его брат быстро протискивается мимо меня. Павел прикрывает дверь лоджии.

— Ты сейчас успокаиваешься, приводишь лицо в порядок и возвращаешься за стол.

Потом поговорим.

— О разводе?

На секунду он застывает, затем криво улыбается.

— Ты с ума сошла?

— Нет.

— Из-за мужского трёпа?

— Из-за «моей дуры». Из-за ребёнка, которым ты собрался меня привязать. Из-за «прицепа». Из-за измен. Мне продолжать?

Он хватает меня за локоть. Не больно, но крепко.

— Ты на эмоциях. Завтра проснёшься и поймёшь, что переборщила. Куда ты пойдёшь? Кому ты нужна? На работе похвалили, и ты решила, что жизнь началась заново?

Я опускаю взгляд на его пальцы. Павел замечает и отпускает.

— Я и раньше жила, Паша. Это ты видел во мне только прислугу.

Его лицо меняется.

— Красиво заговорила. На работе научили?

— Нет. Сама поняла. Пока ты обсуждал, как снова сделать меня удобной.

Я выхожу с лоджии.

Марина Викторовна уже стоит в коридоре с кухонным полотенцем в руках.

— Катя, что случилось?

— Спасибо за ужин. Я поеду домой.

— Мы поедом, — резко поправляет Павел.

— Нет. Я вызову такси.

Он догоняет меня в прихожей.

— Не позорь меня.

Пальцы дрожат, и пуговица никак не попадает в петлю.

— Ты сам справился.

— Катя, нельзя так, — свекровь подходит ближе. — Мужчины иногда говорят не подумав. Не нужно из-за этого рушить семью. Ты должна быть умнее.

Я смотрю на неё и понимаю, что спорить бесполезно. Для неё сын всегда будет мужчиной, который имеет право устать, вспылить и наговорить лишнего. А я должна промолчать, простить и принять его таким, какой он есть.

— Хорошего вечера, Марина Викторовна.

Дверь за мной закрывается.

Я выхожу из подъезда и заказываю такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.